

НЕ СВОЕВРЕМЯ ЧЕЛОВЕК

Игорь Сотников

Игорь Сотников
Несвоевременный человек.
Книга вторая. Вера

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45101424
ISBN 9785005046956*

Аннотация

Бывает так, стоишь и никого не трогаешь, а это, как оказывается, как раз этим своим невмешательством кого-то трогает и волнует. И не успевает наш герой сообразить, что вообще происходит, и в частности с ним, как всё так закрутилось, что у него уже и нет другого выбора, как сделать свой выбор из... А эти «из» одно другого непонятней, как и всё остальное, ожидающее его.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Несвоевременный человек

Книга вторая. Вера

Игорь Сотников

Дизайнер обложки Дарья Левчук

© Игорь Сотников, 2019

© Дарья Левчук, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-4695-6 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-2313-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Плоды

В помещении красоты неопишуемой (во дворцах всегда так, даже если это дворец для бракосочетаний, самая представительная его часть, где заключаются браки, а по заверениям работников этого агентства, то здесь они только юридически закрепляют последствия вашего выбора, ведь браки всё-таки заключаются на небесах), где из мебели был всего лишь один стол в стиле ампир с парой стульев за ним и ещё сбоку от него стоял небольшой журнальный столик, на котором расположились ваза с фруктами, бутылка шампанского и пара бокалов, за имеющим центральное значение столом, на приставленных к нему стульях разместились две молодые особы необычайной привлекательности, отчасти благодаря природе, а отчасти от того, что они знали толк в красоте и умели её в себе концентрированно выделить и на все сто использовать.

И сидят эти две молодые особы необычайной привлекательности не так уж и без дела, а перед одной из них, той, что в белом платье на ней и с ярко рыжими волосами на голове, которую ещё зовут Валерия, стоит блюдце с апельсином на нём, и она под внимательным наблюдением со стороны своей подруги, конечно, не так по праздничному оде-

той, но всё же не без своих изысков, с именем Марго, своими острыми ноготками разделявает на части этот оранжевый плод. И так это у неё захватывающе дух получается, – она с применением своего ручного, до чего же острого инструмента, ноготков, как скальпелем срезает шкурку апельсина, оголяя тем самым его внутренность, – что Марго и глаз отвести не может от происходящего с апельсином.

И вот когда апельсин освободился от своей одёжки, а сам он как цветок лотоса, раскрылся перед ними всеми своими лепестками в виде долек, Валерия отрывает один лепесток этого цветка и протягивает его Марго.

– Вот попробуй. – Говорит Валерия. Марго смотрит на протянутую ей дольку апельсина, затем на Валерию и, вновь вернувшись к долке апельсина, берёт её. После чего она эффектно снимает её ртом с руки и начинает её распробовать – как она это делает, то ли раскусывает её, то ли вначале все соки выжимает, а затем всё остальное, доподлинно неизвестно и остаётся только домысливать.

– Ну, что скажешь? – спрашивает Марго Валерия. Марго проглатывает остатки апельсина и говорит. – Вкусно.

– А что это вкусно значит? – спрашивает Валерия.

– То, что природа подсказывает, что плод созрел. – Следует ответ Марго.

– А по сути, это значит, что пришло его время. – Сказала Валерия.

– Пожалуй. – Согласилась Марго.

– И выходит, что вкус, цвет и всё другое соответствие зрелости плода, есть значение времени, в основе которого лежит рациональность природы. – Сказала Валерия.

– Наверное. – Неопределённо согласилась Марго.

– Так и с человеком, – взяв дольку апельсина с блюда, сказала Валерия, – только его характеристики зрелости определяются несколько иначе. А вот умение их распознавать, открывает широкие возможности для ...скажем так, большей конструктивности диалога с ним. – Не трудно было догадаться, в чью сторону был направлен этот посыл Валерии. Ну а Марго не только было не трудно догадаться, а она чуть ли с полуслова понимала Валерию.

Между тем Валерия возвращает на место взятую дольку апельсина и берёт лежащий на другом блюде ещё неочищенный апельсин, с которым она так же умело разделяется, как и с первым апельсином, после чего из него вынимается одна из долек и протягивается Марго. На этот раз Марго не спешит взять протянутую дольку, а вопросительно смотрит на Валерию.

– Вначале попробуй. – Ничего не объясняя, говорит Валерия. И Марго уже с долей опаски, осторожно берёт эту дольку апельсина и теперь не сразу её всю в рот кладёт, а самый краешек откусывает и ждёт, что же дальше будет. И это будет, буквально немедленно происходит, как только вкусовые рецепторы Марго распознали, что это Марго там вкусила. А вкусила она на этот раз такую кислятину, что не по-

кривить лицом в ответ, значит покривить душой. И Марго от этой вкушенной кислоты и сама лицом становится кислой, так что о том, чтобы дальше откусывать от этой дольки апельсина и речи быть не может. Да что там речи быть не может, а Марго эту дольку в руках держать не может, ей кажется, что её пальцы рук начинают пропитываться этой его кислотой и окисляются. И Марго немедленно избавляется от этой надкусанной лишь с краю дольки апельсина, бросив её на блюдце.

– И что это сейчас было? – с недовольной гримасой лица обратилась с вопросом к Валерии.

– Это обратная сторона зрелости, не зрелось. – Хладнокровно ответила Валерия.

– Я это уже поняла. Но зачем нужно было мне давать его пробовать? – со всё тем же недовольством и чуть ли не раздражением спросила Валерию Марго.

– Чтобы ты прочувствовала контраст и как это кисло. А то ты уже и забыла, что это такое и как это на вкус. – Сказала Валерия. И судя по всему, а именно по успокоившемуся и выгладившемуся лицу Марго, Валерия нашла для неё убедительные слова.

– Ну а для чего мне это сейчас нужно? – спросила Марго.

– Для большей вовлеченности в ожидающее нас действие под названием скрепление уз брака. – Сказала Валерия. После чего она поднимается из-за стола, подходит к столу с фруктами и шампанским, берёт оттуда пустую тарелку

и возвращается с ней обратно. Здесь она отламывает от спелого и от недозрелого апельсина по дольке и кладёт их на эту тарелку. После чего смотрит на Марго и говорит:

– С виду и не отличишь.

Марго согласно кивает и ждёт, что дальше будет. А дальше ничего особенного не происходит. Валерия возвращает эту тарелку назад, на столик с шампанским. После чего она возвращается за стол и начинает его приводить в готовность для встречи гостей. Для чего много и не нужно сделать, а нужно лишь убрать блюда и разделанные апельсины в пакет. Когда же Валерия с этим делом справилась, а затем привела себя в должный порядок, – для этого всего-то нужно, что в телефонное зеркало посмотреться и сдунуть со лба сползшую на него чёлку, а так в ней всё обворожительно и прекрасно, – то она смотрит на свои ручные часы и пока ещё есть несколько минут до начала чьего-то торжества, задаёт Марго вопрос. – Знаешь, почему в этом итоговом для чьей-то судьбы помещении нет зеркала?

Ну а Марго сразу и не заметила, что здесь нет зеркала, и только сейчас, когда к ней с вопросом обратилась Валерия, она окинула взглядом торжественный зал для бракосочетания и, не обнаружив зеркал, дала свой ответ. – И даже не догадываюсь.

– А чтобы у людей брачующихся, у тех из них, кому этот шаг дался с величайшим трудом, при виде своего отражения в зеркало, откуда на него непременно посмотрит полный

смятения и сомнений, последние свои секунды свободный человек, который постарается его непременно переубедить в этом его шаге, не смог бы заручиться от него поддержкой и дать заднюю. «Ты ведь ещё так молод, да и сам знаешь, что нагуляться ещё не успел, так что на кой тебе эта спешка, тем более это всё идёт наперекор твоим взглядам на себя. И если ты в чём-то и основателен, так только в своём разгильдяйстве и распутном поведении, ведь сам же глаз своих не сводишь, не как полагается с невесты, а со свидетельницы даже не твоей невесты, а твоего распутства», – с каждым взглядом на себя в зеркало, где рядом нет никого и нельзя просмотреть, несмотря на наличие окружающих, будет убеждать себя жених. Пока так не убедит, что и не заметит, как уже стоит у входа в бар, где его ждёт прежняя, полная одних только прав и никаких обязательств жизнь. – Со знанием дела, с умением расставить свои акценты и художественно подчеркнуть то, что нужно подчеркнуть, – а в этом во всём талантливая Валерия не имела равных, – сказала Валерия, раскладывая на столе всё необходимое для предстоящего события.

– Я бы на месте неуверенных женихов, да и их невест, не зеркал бы опасалась, а вот таких как ты регистраторш их отношений. – Заявила Марго. – Я правильно понимаю, – с хитринкой в глазу посмотрев на Марго, спросила её Валерия, – такую, ради которой можно всё бросить и не испытывать угрызений за то, что все свои привязанности оставил

в прошлом, и посвятил всё своё будущее моему поклонению.

– Что-то вроде того. – В восхищении перед умением Валерии делать из всего верные выводы и облачать их эпическую обёртку из фраз, сказала Марго, покачав головой.

Ну а у Валерии на этот счёт, то есть на изначальный посыл Марго, в некотором роде другое мнение. – Ничего подобного, а даже всё наоборот. Я можно сказать, последнее препятствие на пути жениха к своему счастью, пройдя которое он может с уверенностью сказать, что этот его последний шаг был всё-таки обдуманным. Где я по-особому укрепляю его уверенность в правильности этого шага. – И только Валерия это сказала, как дверь в зал приоткрывается и в приоткрывшуюся дверь влезает чей-то юркий нос, которой спрашивает Валерию. – Валерия Игоревна, вы готовы? – Что вызывает у Валерии, как оказывается, в этих стенах зовущейся Игоревной, свой ответный иронизм. – Главное, чтобы брачующиеся были готовы и не передумали.

И её ответ понимается, как сигнал к началу церемонии бракосочетания, после чего юркий носик скрывается за дверью, а Марго по рекомендации занявшей своё центральное место за столом Валерии, отходит к боковой стенке, чтобы не мешаться. Далее следует своя минута затишья, во время которой все взгляды находящихся в зале людей направлены на входную дверь. При этом Валерия не удержалась от реплики: «Не знаю почему, но каждый раз волнуюсь, вот так в ожидании стоя». На что со стороны чуть побледневшей

Марго, последовал одобрительный кивок – она неожиданно для себя почувствовала, что у неё сердце в своём волнительном сердцебиении слегка начало забегать вперёд.

Но вот двери начали приоткрываться, и в тот же момент зазвучала музыка, которая по версии первых организаторов этих мероприятий, должна настроить брачующихся на нужный лад. И если насчёт того, что сейчас думают и видят перед собой идущие по красной дорожке к своему будущему счастью молодожёны, совсем не трудно догадаться, даже если ты не разу по этой красной дорожке не ходил, но часто о ней, и как и с кем по ней пройти думал, – ни о чём они сейчас не думают и ничего они сейчас перед собой не видят, для них всё как в тумане, – то вот у встречающих их в этом торжественном зале людей, Валерии и Марго, определённо имелись свои мысли на их незнакомый счёт.

И если Валерия, как человек прежде всего облачённый своими служебными обязанностями и полномочиями, а уж затем всё остальное, имеющее не меньшие, чем у всех остальных права пройти по этой красной дорожке до итогового своего счастья, смотрела на них с позиции профессионала, – она иногда с лёгким сердцем, а нередко с тяжёлым, могла с вероятностью к близкой осуществимости, с прогнозировать будущее той или иной пары, – то Марго в своих взглядах на приближающую пару, не могла отстраниться от своей субъективности взглядов. Где она смотрела на пару в призме своего эгоистического я.

Впрочем, здесь нет ничего удивительного, и вообще, когда люди соединяются в пары, то это всегда вызывает куда как более повышенный интерес у людей, нежели в том случае, если бы их пришлось рассматривать по отдельности. И причиной этому служит не только ваша искренняя любознательность и любопытство, а хотя бы то, что любая пара или союз, как кому больше нравится и хочется себя называть, есть некое практическое пособие на будущее для людей пока что только представляющих одинокий интерес, но всеми своими сердечными силами так и старающихся вызвать больший интерес у других людей. Где на этом парном примере можно многое для себя подчеркнуть и уверить себя в частности в том, что раз этот урод был кем-то замечен и принят не за урода (а он, тем не менее, да как минимум в ваших глазах, тот ещё урод), то и у тебя есть шанс не остаться в стороне от будущего – любая пара собой олицетворяет будущее, а будущее всегда притягательно и волнует живущих в настоящем людей (кто живёт в будущем, то их плюс ко всему интересуется и прошлое, то есть тоже самое настоящее, что волнует и нынешнего современника).

И тут все эти люди сторонние и крайне интересующиеся своим будущим, которое на данный момент ещё не устроено и находится в стадии планирования, ради всего этого, сами за собой того не замечая, ведут себя так заинтересованно по отношению ко всем этим парочкам, которые им видятся в качестве рабочей модели (симулятора) для своих будущих

отношений. И тут бесспорным лидером среди всех вопросов, возникших при виде той или иной пары, является заданный в порыве недоумения вопрос: «Что она в нём или в ней нашла?». После чего человек, крайне удивлённый всему тому, что послужило возникновению этого вопроса, приступает к более внимательному изучению представшей на его обозрение пары, по его мнению, совсем друг другу не подходящей. И если по внешним признакам этой странной в ваших, да и других глазах пары, вы только одно и можете определить – они друг другу не пара, – то тогда вы на этом не успокаиваетесь и идёте дальше и, заглянув в знающие тайники своей души и памяти, отыскиваете там ответы на эти вопросы, и вам становится всё за неё, такую небесно-прекрасную, и за этого толстобрюхого старикана ясно.

Но такие выверты судеб людей, где обе стороны, несмотря на свою стартовую разницу в этом забеге, сходны в одном, они спешат, и каждый по-своему пытается обмануть время, но в итоге всё равно все приходят к одному результату – потере (времени, себя, совести...), представляют только информативного характера интерес, тогда как более любопытно и познавательно наблюдать за играми природы, со склонениями к чувственности людей по своим природным факторам, а не идущим искусственным, придуманным людьми путём. И иногда только диву даёшься, на что только не умудряется в своей фантазии природа, для того чтобы укрепить родовитость того или иного рода. Отчего даже возникают свои

сомнения в разумности самой природы, которая вами всегда считалась до жестокости рациональной.

Но вот когда вы увидели, какой она дала шанс этому от горшка два вершка и прыжка сморчку, – и всё равно он не допрыгнет до плеча своей, а верней его избранницы, – то как-то даже стало завидно по отношению к этому мелкому обормоту, которого при всей его незаметности вдруг заметили, и не какая-нибудь в его уровень пигалица, что было бы объяснимо (они находятся на одном уровне глаз и поэтому замечаемы друг другом), а что ни на есть под ваш высокий уровень качества первостатейность, которая оценила его и в итоге посчитала, что это лучший из всех вариантов вариант для своего будущего. А вы значит, весь такой из себя высокий и под самый верх набитый всевозможными достоинствами, не мешайтесь, и постоит в сторонке и не просто недооцененный, а тьфу на вас, переросток. И что после этого спрашивается, вам делать и как поступать? Неужели поубавить свою высокомерность и посмотреть себе под ноги, откуда на вас не отрываясь взглядом, смотрит с росточком с букашку, пигалица с огромными глазами.

– Право и знаю, что ты оттуда можешь во мне увидеть, кроме моего волевого подбородка. – В задумчивости проговаривает этот высотный человек, глядя сверху на эту внимающую каждому его слову пигалицу.

– Но ты же меня увидел, а это уже что-то да значит. – Из своего далека звучит голос пигалицы, и поднебесный ве-

ликан начинает там, у себя в небесах, грозиться подумать над её интересными словами.

А ведь сам ваш сделанный выбор, есть по своей сути подытоженный результат общего вашего я, со своим мировоззрением, которому для полной самодостаточности только и не хватает той самой своей половинки, с которой по мифическим соображениям Платона, вас разделили в своё доисторическое время. Вот люди и смотрят на сделанный кем-то выбор и по нему читают, что на самом деле есть ты.

И примерно с подобным интересом, через приму собственнического я, Марго и встретила своим взглядом, размеренным шагом следующую по красной дорожке в зал новоиспечённую пару. Где она перво-наперво оценила невесту, чьё свадебное платье всё за её счёт и неё сказало, – а внешность дело иногда поправимое, а иногда, как например, сейчас, скорей безнадёжное, по мнению Марго. И за такие её невыносимые для слуха жениха, да и самой невесты рассуждения, в которых так и сквозит её субъективизм и отчасти зависть, Марго не нужно слишком осуждать. Ведь всё-таки не она сейчас находится на месте невесты и счастлива, а это не может не задевать и портить так пакостно её настроение, плюс к этому, среди претенденток на счастье всегда такая огромная конкуренция, и в Марго уже от природы заложен взгляд скептицизма на девушек, где каждая в отдельности, для неё в первую очередь соперница и конкурентка.

Так что в том, что Марго так за невестой всё заметила, да

и за другими замечает, нет особого зла с её стороны, а это всего лишь констатация ею факта того, что в этом деле она не потерпит конкуренции и если надо будет, то забудет о всякой женской солидарности и всю правду о неподобающем, а подчас развратном поведении невесты в лицо жениху выложит.

Когда же взгляд Марго, всё, всё о невесте понял и с ней разобрался, то он был перенаправлен на жениха. Правда, не вот так сразу, а постепенно, начиная от месторасположения его рук, где одна была прихвачена рукой невесты, – а от того как этот прихват был сделан, можно было строить свои логические цепочки их взаимоотношений, – а вторая по своей сути была свободна, но с другой стороны она не чувствовала себя свободной и в напряжении двигалась вслед за деревянными передвижениями молодого, как и невеста жениха.

– Рано вылупившийся. – Сделала первый, с долей горчливости вывод насчёт жениха Марго, о чём в возрасте даже она сама перед собой не спешила распространяться, и вот это-то её больше всего и огорчало. Ведь когда о твоём возрасте не совсем уместно распространяться, то это совсем не тот возраст, который тебе хотелось бы иметь и распространяться. И уж лучше не заикайтесь со своим, прямо намекающим на твой перезрелый возраст замечанием: «Тебе столько лет, насколько ты выглядишь», – Марго не настолько безнадёжно не молода, чтобы себя так по чьему-то слабо-

умию утешать.

Дальше со стороны Марго следует сравнительный анализ каждой из половинок этой пары, который заканчивается неутешительным выводом для обеих сторон этого, и не пойми вот так с первого взгляда, на чём основанного союза. Ведь сразу же видно, насколько они разные и неподходящие друг другу люди. Невеста вся такая из себя в белом и явно несмышленная, раз пошла за такого мало что из себя представляющего типа. А жених не просто мало что из себя представляет, а такие как он, Марго отлично знает, что из себя представляют. И к тому же он полная противоположность невесте и однозначно сам себе на уме – вон как смотрит на всех исподлобья и определённо ведёт всему счёт.

И не надо больших знаний по психологии, как у Марго, чтобы догадаться, как он себя сегодня вечером после сегодняшнего празднества поведёт, где он и к шампанскому не притронется, а будет лишь вести пристальное наблюдение за гостями – он обстоятельно отодвинет свою невесту в сторону от подарков и главное от конвертов с деньгами, и объяснив ей: «Я дорогая, как и обещал, все заботы о твоём благополучии беру на себя», – начнёт свой подсчёт. Который его естественно не удовлетворит, и он, подведя свой итог сакраментальной фразой: «Я так и знал, одно жлобье», – задумчиво посмотрит на свою уже жену и придёт для себя к ещё одному неутешительному выводу – он, как оказывается, проявил бескорыстие и женился по любви. И это притом, что его

новоиспечённые родственники со стороны супруги, особенно её невыносимый папаша, имели на его счёт совсем другое, особенного мнение.

– Этому прохиндею, и я по его глазам вижу, – никого не стесняясь, в том числе и самого жениха, тут же на кухне у них в доме находящегося, принялся за свои обычные критические замечания будущий тесть жениха, где он на этот раз дошёл до того, что схватил жениха за отворот рубашки и, подтянув его к себе, прямиком заглянул ему в лицо и душу, затем хорошо, что только в сердцах сплюнул и сделал свой вывод, – большому подлецу и негодяю, только одно от тебя нужно!

– Но папа! – зарделась в краске будущая невеста.

– Твои глаза затмевает твоё влюблённое легкомыслие, и ты слишком оптимистично смотришь на него. – Ничего не может поделаться тесть со своей такой наивной дочерью, и он вынужден отпустить, начавшего было задыхаться жениха, что было принято невестой за его любовную лихорадку, а его покраснение за стыдливость. Правда не до конца, а тесть держа жениха на коротком поводке, на его галстук, объясняет ему его будущие жизненные перспективы. – Ты рано не радуйся. Думаешь, сумел охмурить мою дочь, то твоё будущее обеспечено. Ничего подобного. И в этом ты скоро убедишься.

– Вот и убедился. – Заскрипел зубами жених, крайне удивлённый происходящему с ним – он вроде бы логическим пу-

тём пришёл к выводу, что женился по любви, но при этом он что-то ничего в себе такого не чувствует, а в душе стоит одна только досада. – Прямо когнитивный диссонанс какой-то. – Восклицает жених. Ну а невеста, прижавшись к его плечу, ещё больше счастлива – ведь её жених такой умный, вон какие заумные слова знает.

Между тем в торжественном зале всё идёт своим чередом, и как только все гости заняли полагающиеся им места, то за своё дело взялась Валерия и начала зачитывать приветственное для новобрачных предваряющее главное событие слово. – В этом деле главное не слова, а сделанные мною акценты и расстановка интонационных запятых. – Объясняла хитрости своей профессии Марго Валерия. – А уж если для новобрачных это обдуманый шаг (это не самая обычная обдуманность, а в ней присутствует доля чувственного разуме-ния), то они уж разберутся и как надо поймут обращённые к ним слова.

– Дорогие жених и невеста! – обратилась к новобрачным Валерия. – А в этой вроде как самой обычной фразе, уже столько вопросов изначально заключено. – Марго вспомнил-ся разбор этой приветственной речи Валерией. – В чём заключается их ценность, почему жених упоминается первым, а не невеста, и не является ли это скрытым указанием на то, кто будет на первых ролях в этой новой ячейке общества.

– Ну, ты уж и придумашь. – Усмехнулась тогда Марго. А вот Валерии и тогда и сейчас было не до смеха, и она во все

свои большие глаза смотрит на новобрачных и всё, всё, за ними замечает. – Что-то слишком мало в ваших глазах пелены затуманенности, свойственный людям взволнованным, и уж больно ясен ваш взор на меня. – С претензией смотрит на новобрачных Валерия, с одного взгляда на них поняв, чем они руководствовались, придя сюда, – их шаг был слишком обдуманным, а я этого не люблю, как и они друг друга.

Между тем дело дошло до подписания своих клятвенных заверений брачующимися, а затем до поздравлений друг друга, где вдруг появилась носительница своего юркого носика, в чьих руках оказался разнос с бокалами наполненными шампанским, а когда бокалы переместились в руки гостей, то этот юркий носик, который к тому же обладает завидным умением проникать в самые недоступные места, оказывается в ближайшей близости от новоиспечённых супругов, а не как ещё пять минут назад претендентов на это звание, и протягивает им под глоток шампанского блюдце с голубой каёмочкой с дольками апельсина на нём. А с этого момента Марго очень внимательна к ним, как и Валерия, с кем она быстро перекинулась красноречивым взглядом.

Там же, на том месте, где друг за друга радуются супруги, пока ещё образно невеста, когда перед ней оказалось это блюдце с дольками апельсина на нём, сделала ещё один глоток из бокала и, без лишних вопросов: «Почему не шоколадка?», – не глядя прихватив с блюда дольку апельсина, закинула её в рот и пошла дальше поздравляться. Ну а её новоис-

печённый супруг повёл себя не так безрассудно, и он при виде протянутого к нему блюда, вначале выразил на своём лице сомнение насчёт такого скромного и несколько странного предложения, но решив, что отказываться не в его характере, взял дольку апельсина и так сказать, вкусил свой плод от древа познания (так охарактеризовала увиденное Марго, к тому же в первоисточнике не указано какими плодами плодоносило это дерево).

Ну а дальнейшие действия новоиспечённого супруга прямо-таки указывают на верность догадок Марго на его счёт – он точно вкусил от древа познания, так искривилось его выражение лица, с которым он, покосившись в прищуре, посмотрел в сторону своей супруги. – Я мол, только теперь всё явственно вижу, обладателем какого счастья я стал. Вот спасибо, теть, что не сразу мне глаза на него открыл. – Вглядываясь в свою такую всю развесёлую и счастливую супругу, рассудил бывший жених, а сейчас супруг, вдруг за собой заметив, что он стал замечать за своей супругой все до единой мелочи, например то, как она не аккуратно откусила шоколадку и испачкала губы. И при этом это так раздражает его, что он не смотреть на это никак не может (и, кстати, где она взяла шоколадку?). И ему хочется немедленно исправить эту не простительную в его глазах оплошность. И не как-нибудь по-тихому, подойдя к ней в плотную, и платком вытерев, а заорав на весь зал на неё: «Ты чё дура, меня позоришь, посмотри на себя, вся измазалась в шоколаде!».

Что, естественно, не понравится тестю, – хотя с этого момента жених уже в своём праве, он теперь её супруг, – и он даже не учтёт правоту слов своего зятя, а резко сократив между собой и им расстояние, можно сказать, исподтишка, – а как ещё назвать это его нападение без предупреждения, – с одного удара в нос подкосит жизненную позицию своего зятя. Ну а дальше всё до боли в чьих-то зубах предсказуемо. И если у кого-то не изменяет память, то никто не давал права тестю, несмотря на его существенный вклад в застолье, влезать со своим мнением в разрешение чужих семейных споров и портить всем настроение. И если супруг счёл нужным сделать своей супруге вслух замечание, – а она, между прочим, представительное лицо их семьи, – то это его несомненное право. И вмешательство в их суверенные дела недопустимы кем бы ты ни был.

Ну а так как тесть всего этого не понимает, то до его сведения это начинают доводить кулаками и всем чем под руки попадётся – а так как в этом зале предусмотрительно нет мебели, то под руки, как правило, попадают другие физические лица и чьи-то голосистые в истерике причёски, за которые в этом беспорядочном водовороте мыслей и тел, хватаются люди облечённые сознанием своей правоты, которую они хотят втемашить людям не правым, которых тоже немало и оттого противостояние начинает затягиваться. И так до прибытия соответствующих органов, которые и выводят эту рано обрадовавшуюся компанию дальше праздновать.

Когда же новобрачные и их сопровождающие лица покинули зал, и при этом не так, как за них мысленно надумала Марго, послав этой процессии многозначительную фразу на дорожку: «И даром не надо!», – то Марго выходит из состояния вовлечённой задумчивости, и, наконец, замечает внимающую ей Валерию. – О чём задумалась, а может и замечталась? – улыбнувшись, спрашивает Марго Валерия.

Марго же не сразу ей отвечает, а она окидывает зал взглядом, после чего возвращается к Валерии и говорит. – Мне нужен апельсин. – Валерия, в ответ покосившись на неё, пока только смотрит, после чего сообразив для себя что-то, выдвигает ящик стола и вынимает оттуда спрятанный пакет. Откуда в свою очередь вынимаются два апельсина. – Тебе какой? – спрашивает Валерия.

– А разве не ясно? – переспрашивает Марго.

– Я же не знаю, что ты задумала. Так что не ясно. – Сказала Валерия.

– Мне нужен горький. – Сказала Марго.

– Кто бы сомневался. – Пробубнила себе в нос Валерия, кладя один из апельсинов на стол, а другой убирая обратно в пакет. Марго же подходит к столу, изучающе смотрит на апельсин, как будто в нём можно что-то особенное рассмотреть, и только после этого берёт его.

– Только будь внимательней, и не забудь, что в твоём случае природа поступила пристрастно. А это ведёт не к полной искренности по отношению к тебе. – Сказала Валерию

на дорожку Марго.

– Учту. – Крепко держа в руке апельсин, сказала Марго. – Да, кстати, вопрос. Если смерть для тебя сладка, то не значит ли это, что пришёл твой час?

– Это не ко мне вопрос. – Ответила сбитая с толку Валерия.

– Я знаю. – Сказала Марго, направляясь на выход и, бубня себе под нос: «Даром мне такого не надо».

Глава 2

Вывод второй

– Не верование человека, это есть своего рода его подростковый нигилизм, свойственный всякой незрелости с его максимализмом и желанием пересмотреть все прежние устои и установки, на которых стоит мир. И оттого-то он это своё не верование, а вернее, веру в своё безверие, так выпячивает наружу, повсеместно и обязательно прилюдно демонстрирует (ему непременно нужно одобрение, ну и злость сойдёт при обратном эффекте), и везде этим своим отрицанием божественных начал и вызовом основам жизни манкирует. Тогда как в человеке верование, есть одно из его врождённых, так сказать, установленных в нём начал. И вера жизненно необходима человеку, – да хотя бы веря в себя, – ведь на её основе строится вся жизненная конструкция человека. И, наверное, поэтому, его так легко заставить уверовать во что-либо, даже в самую что ни на есть несусветную бессмыслицу – так велико желание человека во что-нибудь верить. Где для этого многого и не надо, а всего-то нужно знать его чаяния и нужды, которые большим разнообразием и не могут похвастаться. – Сказал представитель тайной организации, Никак, оторвавшись от зрачка оптического прицела и, посмотрев на Устранителя.

– И как бы это когнитивным диссонансом не отдавало, а всего легче заставить человека поверить в безверие и в частности, в отсутствии веры в самого человека. А уж о человеке человек, обязательно судя по себе, всё, всё паскудное знает. И эти его знания, – человек в сущности своей большая скотина, – дай им только благоприятные условия для своего роста, то они не дадут человеку шанса для своего оправдания перед лицом этого другого человека, так много и по себе знающего о человеческой подлости. Так что когда он будет поставлен перед выбором, или я или он, то выбор для него всегда будет очевиден. – Никак переводит свой взгляд на экран телефона, вдумчиво на него смотрит и задаётся риторическим вопросом:

– И как же нам решить этот вопрос выбора? – Никак некоторое время тратит на раздумье и, просветлев в лице, даёт ответ на свой же вопрос. – В таком случае только жребий даёт чувство объективности. Как ты насчёт жребия? – уж больно замысловато улыбается Никак, глядя на Устранителя.

– Я только за. – Следует ответ Устранителя. – И что это будет за жребий? – спрашивает Устранитель.

– Сейчас увидишь. – Сказал Никак, нажимая на телефоне кнопку вызова. И в тот же момент, в здании напротив, в том самом кабинете, где который уже час находятся в неведении насчёт своего будущего, члены совета директоров одного могущественного финансового конгломерата, а может и всего синдиката, – а это бесконечно их мучает, даже не меньше

чем вид этих ненавистных рож напротив, так сказать товарищей по несчастью, которых и так еле терпел из-за необходимости, а тут приходится во всю подвергать себя испытанию нахождения с ними в одном помещении столько времени, – раздаётся телефонный звонок и он вновь по особому оживляет внутреннюю жизнь в этом помещении.

И, наверное, это отчасти хорошо, а то последний час в кабинете установилась такая смертная тоска, – а это один из множества вариантов, и пока не самый плохой, сопутствующих нахождению долгое время в одном помещении людей разной формации (вот когда они начнут по очереди сходить с ума, то тут в пору бить в морду... тьфу в тревогу, то есть в ту же, но другую морду – а это непременно случится при долгой зацикленности на себе, а к этому как раз и принуждают взявшие их в заложники люди нелюди), – что прикимаривший господин Талантов мог бы сойти за героя, раз он не побоялся уснуть в такой, насквозь пропитанной злостью и ненавистью друг к другу обстановке – как-то общая беда не сплавивала их, а наоборот, разъединяла. А это оттого, что они смотрели на всё произошедшее с ними так, как они это привыкли делать, с позиции акционера, в призме своего инвестиционного портфеля. А это значит, что они не разделяли общих взглядов на происходящее, а только принимали их по необходимости, так как другого выхода не было видно.

Ну а этот, так геройски себя ведущий господин Талантов, – типа делает вид, что ему всё ни по чём и если ему за-

хотелось спать, то он будет спать и ничего ему не помешает, – уже не только всех здесь в кабинете раздражает, а его похрапывание уже начинает сводить с ума, где члены совета начинают бросать на Спински свои полные мучения и надежды на избавление от этих мучений взгляды. Чей без толку болтающийся пистолет в руках, мог бы оказать всем здесь собравшимся бесценную помощь.

– Да хотя бы тресни его рукояткой по голове. – Предложил взгляд капитана Вернера.

– И всё-таки подлец этот капитан Вернер, – не могли не подумать другие члены совета, глядя на эти просьбы о помощи в глазах капитана Вернера, – и его уже ничто в этой его грешной жизни не исправит – сидит ближе всех к господину Талантову и сам ничего не предпринимает по отношению к его храпу, а просит об этом господина Спински, который, между прочим, находится на другой стороне стола.

Впрочем, храп Талантова перехватывает эту инициативу откровенной ненависти к капитану Вернеру и после очередного храпного посыла со свистом Талантова, все опять уставились на него и начали в нём узревать всякую человеческую недостойность и пакость. – Да и господин Талантов хорош гусь. – Придавив общим взглядом этого хмыря, по только что установившемуся общему мнению совета, начали выражать свои мысли выразительным взглядом члены совета. – Вот что он спрашивается, хочет нам всем этим своим поведением продемонстрировать? – Как и все задался про себя

этим вопросом господин Лопатин, сурово поглаживая свою бороду. Чем вдруг, и главное, неожиданно привлёк к себе внимание со стороны руководителя западного крыла компании, пана Хлебовски. Вдруг увидевшего в этих движениях Лопатина скрытый от всех смысл.

– Теперь-то понятно, почему это он решил отпустить бороду. – В крёстном и само собой универсальном знаменнии, вдруг осенился догадкой пан Хлебовски, заметив, как необычно Лопатин поглаживает свою бороду – он вырвал из неё пару волосков и с приговором в нос, разорвав, выкинул их. – Это не дань патриархальным традициям, как он объяснял свою бородатость, и даже не желание быть на острие моды, как мы все повелись на это разумение, а здесь имеет место дремучее колдовство. С помощью которого этот Лопатин и гребёт барыши лопатой. А как ещё объяснить эту его удачливость, кроме самой удачливости, если он с одним лишь образованием, состоящим из четырёх классов церковно-приходской школы, добился таких впечатляющих успехов в бизнесе. Когда я, интеллеktуал с двумя высшими и массой прикладных образований, плетусь в самом конце списка преуспевающих людей, а он занимает самые верхние строчки. Хотя может потому, что он плохо считает? – задался вопросом к себе пан Хлебовски. – Нет, не то, и он однозначно заключил контракт с самим дьяволом, и тот во исполнение своей части контракта, наделил его бороду магической силой. И этим знанием надо непременно вос-

пользоваться. – Подытожил свои взгляды на Лопатина пан Хлебовски, вглядываясь безумным взглядом в бороду Лопатина.

Узнай о чём Лопатин, то он, наверное, и не знал бы, что на это ответить, а потребуй от него пан Хлебовски доказательств не волшебности его бороды: «Только не вздумай загадывать, чтобы я провалился ко всем чертям!», – и при этом с ножницами наперевес, то Лопатин, конечно, подчинится первому требованию обезумевшего пана Хлебовски (видимо он был наиболее слаб на голову, вот и первым тронулся своей головой в сумрак мыслей), а вот насчёт второго, то он по своей строптивой натуре и не станет обещать, а сразу же всех пошлёт ко всем чертям, бросившись с кулаками на этого безумного пана. А вот что из этого выйдет, то пока пан Хлебовски не воплотил в жизнь свои задумки, то об этом рано говорить.

Что же касается господина Лопатина, то он сейчас занят своими мыслями, полными негодования на этого наглеца Талантова. – Он что, хочет показать, как он хладнокровно относится к опасностям, тогда как мы по его храпящему мнению, все поголовно трусы и слюнтяи, раз не можем посмотреть в лицо опасности спящими глазами. – Господин Лопатин, переполненный справедливым негодованием и возмущением на этого лицедея Талантова, в честность которого он никогда не верил и сейчас не верит, упирается в него изучающим взглядом, и бог ты мой, замечает, как у того дёрнулось

веко правого глаза – а то, что Лопатин в него со всей силы выдохнул воздух и в сердцах плюнул в него, не считается.

И Лопатин от такого своего открытия подлой сущности Талантова, который, как оказывается, даже и во сне обманщик, – он-то было подумал (ну и что, что в самой глубине своей души), что Талантов ещё не совсем конченный человек, и хоть в этом, его можно было уважить, – уже не может сдержаться и, действуя на рефлексах, к потрясению пана Хлебовски вырывает пару волос из бороды, затем себе в нос проговаривает: «Ах ты, прохиндей!», – и уже было собирается преподать урок этому наглецу Талантову, как в этот момент раздаётся сигнал звонка телефона и на этом и в этом направлении все мыслительные процессы в один момент заканчиваются. И все в один резкий поворотный момент, в тревожном ожидании неизвестного замирают, глядя на телефон. Правда, пан Хлебовски уже догадывается, что послужило причиной этого звонка – оторвавший волос от бороды Лопатин. А вот для чего это ему нужно, то здесь не сложно догадаться, чтобы устранить своих конкурентов и завладеть контрольным пакетом акций компании.

– Быстрее я отращу себе бороду, чем ты меня заставишь продать тебе мой блокирующий пакет акций. – С ненавистью и решительностью, боковым зрением посмотрел на Лопатина пан Хлебовски. И о чёрт, Лопатин, как показалось пану Хлебовски, на одно лишь короткое мгновение, но яростно зыркнул на него. Да так красноречиво, что Хлебовски без

труда прочитал это его послание. – Значит, отдашь по собственной воле, клянусь своей дьявольской бородой!

Между тем телефон трезвонит и ждёт, когда найдётся тот смельчак, кто на него ответит. И если в первый раз, когда он отзвонил, ни у кого не возникло вопросов насчёт того, кто должен к нему подойти и взять трубку, то после того, как к телефону вызывали капитана Вернера, возникла некоторая путаница и неопределённость по этому поводу. Которую вот так переглядываясь друг на друга, как это принялись делать капитан Вернер с господином Спински, не решишь. Хотя они сейчас думают иначе, с таким принижающим человеческое достоинство взглядом смотря друг на друга, что даже страшно себе задать вопрос о том, как они после таких взглядов смогут посмотреть друг на друга как-нибудь потом при встрече. Или они не рассчитывают выйти отсюда, как минимум вместе.

И тут капитан Вернер проявляет свойственную ему ловкость. – Господин Спински, – обращается к Спински капитан Вернер, – мне, кажется, что это пока что ваш кабинет, и значит, к телефону подходить ваша обязанность, тем более вы к нему ближе всех находитесь. – И Спински мог бы в два счёта поставить под сомнение приведённые капитаном Вернером аргументы, – самый главный и вообще неоспоримый аргумент, пистолет, ещё находится у него, – но он действительно ближе всех находится к телефону, на расстоянии вытянутой руки, а с очевидностью не поспоришь, и Спин-

ски, глубоко выдохнув, берёт трубку. Откуда немедленно начинаются доноситься принижающие достоинство Спински реплики.

– Вам не страшно заставлять меня ждать? – страшным голосом звучит страшный вопрос. И Спински до сглатывания слюны, набежавшей так быстро, что в пору было захлебнуться, до холодного озноба в спине становится страшно – при этом его неожиданно посетила мысль о том, как было глупо злиться на капитана Вернера за то, что он повёл себя столь строптиво. И Спински, в нервном запале забыв, что он разговаривает по телефону, согласно кивает головой. И хорошо, что на той стороне трубки находятся люди догадливые и разумные, и там ещё больше не озлобляются на такой безответный ответ Спински.

– Ладно, мурло, прощаю. – Говорит голос из трубки и в душе Спински всё теплеет. – Да, кстати, отличная идея. – А вот эти слова человека из трубки трудно понять, и совсем неясно, к чему и к кому они относятся. Правда Спински не до того, чтобы в этом разбираться, а если в них нет конкретики, то он о них и вспоминать не будет. А вот как только в его уши потекла конкретика, да такая мало ему понятная и совсем не объясняемая её говорившим, то Спински опять начал растекаться в растерянности, вслед за собой погружая в мрачные мысли всех находящихся в кабинете людей. Которые при виде такого чувствительного поведения Спински, только напряглись и даже не подбодрили его взглядом сочув-

ствия, – столько нервов, вот и начал сдавать старик, – а как-то неожиданно, вдруг озлобились на капитана Вернер.

– Вот же сволота, – все были вот так едины на его счёт, – лень ему оторвать свою задницу от стула и подойти к телефону. – А вот зачем им всем вдруг захотелось, чтобы к телефону подошёл капитан Вернер, то ответ на это нужно было искать в слишком эмоционально-подавленной реакции Спински на то, что ему говорят в телефон. Это так сказать, их ещё больше угнетает и подавляет. А вот на униженного и при- давленного капитана Вернера им было бы не так за себя со- чувственно и горестно на себя смотреть – капитан своей по- терянностью и раздавленностью сглаживал бы все эти углы мрачных ожиданий от новостей из телефона.

– Позови мне к телефону мурло. – Приказным тоном дела- ет в трубку заявку невидимый собеседник Спински. А Спин- ски сразу и не понимает, что от него хотят, и он даже решает- ся переспросить. – Кого? – осторожно спрашивает Спински.

– Для глухих повторяю, мурло. – Уже более грозным го- лосом следует ответ. И тут Спински впадает во фрустра- цию, не понимая, что ему сейчас делать. К тому же он так и не понял того, что от него требуют – может они проявляют его на внимательность, ведь они сразу же его так назвали. – А вдруг это не так? – охлаждает, а может ещё больше нака- ляет в себе обстановку Спински, пока в итоге не решается спросить. – Я не совсем понял. Что вы имеете в виду? О ком это вы?

– А это вы сами между собой решите. И для этого, я думаю, вам много времени не понадобится. Пять минут будет достаточно. – На этом вешается трубка с той стороны разговора. И Спински, с лицом подвергающим унынию всех на него смотрящих людей, с растерявшим последние остатки уверенности в себе, в полной растерянности взглядом смотрит ни на кого-то в отдельности, а во всё пространство кабинета. Ну а оттуда на него во все свои глаза требовательно смотрят все кто там был, в том числе и проснувшийся Талантов. – Ну!?! Не томи!?! – так и вопрошают все эти лица совета, приобретя за это мгновение нездоровый для себя цвет и крайне опасные мысли насчёт этого Спински, который и раньше не отличался особой расторопностью, – да в том же деле выплаты дивидендов, что тогда ему прощалось, – а сейчас это приобрело прямо невыносимый для всех характер, за что и прибить мало.

И тут вновь не выдерживает Лопатин, и он, придерживая себя одной рукой за бороду, а другой собранной в кулак, за стол, на который она упёрлась, с долей нездорового скептицизма по отношению к Спински (в общем, он готов того уже прибить) требовательно задаёт вопрос. – Ну, что они сказали? – На что Спински, явно специально делает наиглупейшее выражение на своём лице и, с тупым видом уставившись на Лопатина, – как будто в первый раз его видит, и совершенно не понимает, кто это таков, – после небольшой паузы заявляет. – Они требуют позвать к телефону мурло. –

И в другой раз эта шутка Спински была бы принята на ура, но сейчас никому из здесь находящихся людей совсем было не до шуток, и отчасти поэтому, Спински был никем не понят, и теперь уже члены совета выглядели до удивления растерянно. С чем они и принялись переглядываться между собой, пытаясь, как они уже не раз и всё бесполезно пробовали делать, найти ответы на свои вопросы на этих, таких же как у них ничего непонимающих лицах.

И опять Лопатин берёт слово. – А ну, повтори. – Жёстко заявляет Лопатин, и Спински слово в слово повторяет. Что на этот раз приводит Лопатина в задумчивое состояние духа и тела, где он с углублённым взглядом упирается в стол. И так он взглядом в стол упёрся, что кажется, что он больше от него не оторвётся. Но тут он вдруг поднимает свою голову, – а в этот момент все вокруг отчего-то не сводят с него своих взглядов, – и с неким прозрением в лице смотрит на пана Хлебовски. И тут всем становится крайне интересно, что же такого высмотрел Лопатин в Хлебовски. И теперь Хлебовски, которого и никто не собирался спрашивать, становится центром притяжения взглядов всех членов совета. Отчего Хлебовски становится не по себе и очень прохладно за себя, и он не выдерживает и в замешательстве нервно вопрошает: «Что вы на меня все смотрите? Что вы такого увидели?», – и начинает суетливо шарить у себя по карманам руками.

И лучше бы Хлебовски промолчал, а как только он вслух

озадачился вопросами, то все эти смотрящие на него люди, наконец, увидели в нём то, что скорей всего, ранее в нём увидел Лопатин. А тут как раз звонок телефона подоспел. И Спински берёт трубку и в ответ на заданный вопрос из трубки говорит: «Сейчас позову», – и, протянув трубку в сторону Хлебовски, говорит. – Это тебя. – Ну а Хлебовски ничего другого не остаётся делать, как подойти к трубке.

– Я слушаю. – Говорит Хлебовски после небольшой паузы, во время которой он пытался прислушаться к стоящей в телефонной трубке тишине.

– Значит, это ты? – после своей особенной паузы, вдруг звучит голос из трубки. И Хлебовски только и остаётся, как согласиться. – Да.

– А ты сам как считаешь? – следует вопрос.

– Про что? – спрашивает Хлебовски.

– Что их выбор остановился на тебе.

– Разве я мог что-то сделать? – оправдывается Хлебовски.

– Выходит, если все так решили, то значит, так оно и есть. – Звучит голос из трубки.

– Выходит. – По инерции уже говорит Хлебовски.

– А как же свобода личности и индивидуальное начало, если в итоге приходится подчиняться общему мнению. – Просто удивлён человек в трубке. На что Хлебовски и не находит, что ответить. – Ладно, с этим вопросом повременим, – после небольшой паузы говорит незримый собеседник Хлебовски. – А вот ты мне скажи, тебе не кажется, что

не выстраданная вера ничего не стоит? – задаёт вопрос собеседник Хлебовски. И от этого вопроса Хлебовски становится уж больно предчувственно тревожно на душе, хотя там и так на месте мало что было. И Хлебовски совершенно не имеет желания отвечать на этот страшный своими перспективами вопрос, но разве у него есть выбор. И когда там, в трубке, так тяжело для его слуха замолчали, – Хлебовски прямо почувствовал, что ему в ухо тяжело вдыхают мрачные мысли о его будущем, если он, конечно, не поторопится с правильным ответом, – он отрывает прилипший к гортани язык и говорит. – Не стоит.

– Ты первый, кто меня за сегодня порадовал. – Звучит голос в трубке, но Хлебовски оттого, что он так сумел угодить своему собеседнику, не легче. Он подозревает, что за этим последует совсем не такая светлая часть разговора. И Хлебовски не ошибся.

– Когда утверждения не основываются на фактах и аргументах, – а в сегодняшнем выборе тебя в качестве... а не важно в каком качестве, ничего из этого не прослеживалось, – то значит, они в своём доказательстве упираются только на некие внутренние верования. Которые получи в будущем доказательную базу, становятся законами и правилами, а не получив их, они так и остаются верованиями. А ложными или непреложными, то это для уверовавшего человека совсем не важно. Вот мы и посмотрим сейчас, насколько крепка вера этих людей... Да хотя бы в себя. – Опять

в трубке настаёт тяжёлая для Хлебовски тишина, за которой, теперь он уже точно, не догадываясь, знает, что последует нечто страшное.

И вот настаёт это страшное. – А теперь, человек общедоверия на себя, слушай меня внимательно, хотя это лишне, ты ведь итак не пропускаешь мимо ни одного моего слова. – Усмехается голос в трубке. – Тебе даётся карт-бланш на проверку крепости веры этих людей. Выбери из них любого и, опираясь на мои требования, укрепи его веру в себя через страдание. – На последних словах Хлебовски повернулся в сторону Лопатина и с таким жутким взглядом на него посмотрел, что Лопатин в крайне нехорошем предчувствии вжался в кресло, и теперь не сводил своего замороженного взгляда с Хлебовски.

Правда, этими поворотными действиями Хлебовски ещё руководило его подсознание и они не были осмыслены им, но вот когда в трубке прозвучало: «В нижнем ящике стола можешь взять ножницы», – то в Хлебовски прорвалось всё то, что в нём накипело и не имело столько выхода, и он уже сознательно, низким голосом проговорив в трубку: «И без них обойдусь», – кладёт на своё место трубку, и теперь полностью повернувшись к Лопатину, всего его целиком поглощает своим умопомрачающим вниманием.

– Вот ещё один увервал, тогда как все остальные, удостоверившись, потеряли её. – Сделал вывод Никак.

Глава 3

Законотворчество

– Любая периодичность действий, всегда ведёт к своей сопровождающей её последовательности действий лиц вовлечённых в эту периодичность. И этот закон распространяется на любые виды пространств, сфер деятельности и систем взаимоотношений. А уж в нашей замкнутой на консерватизме системе, это прямо-таки непреложное правило. – Как всегда многозначительно и малопонятно для окружающих, из которых и в число которых входили соседи по медицинской палате, а точнее, братья по нездоровому несчастью, умозаключил вслух Антип. Что, естественно, вызвало свою суровую обеспокоенность и лёгкую степень недоумения на лицах его соседей по палате и по койкам. С чем они, а вернее сказать, взявший на себя смелость (кому нечего терять, то тот всегда ведёт себя храбро и отчаянно) говорить от лица всей палаты, Иппа, – и если быть откровенно честным, то лицо у этой палаты не очень, если Иппа выступает от имени неё, – и обратился к нему.

– И что всё это значит? – задаёт свой вопрос Иппа, а по сути, он признаётся в своей неполной жизненной компетенции и осведомлённости. И надо отдать ему должное, он хоть и находится в тупиковой для себя ситуации, – он ещё верит в чу-

до на свой счёт, но уже потерял всякую веру в людей в белых халатах, – всё же он не боится прослыть человеком не то чтобы неучёным, а скажем так, недоученным жизнью. А это в этих клинических стенах, где на квадрат местности самая большая плотность грамотеев и непременно с самым, вплоть до духовного, высшим образованием (безграмотность здесь ликвидирована подчистую), чуть ли не приемлемо. И нужна поистине огромная смелость, чтобы признаться в этом.

Антип же в ответ оценивающе покосился на Иппу, затем окидывает взглядом палату и многообещающе говорит. – Скоро узнаете. – И такой его ответ никого не устраивает, всем как минимум, хочется знать, сколько продлится это скоро. А вот спросить его об этом никто не решается, разве что тот же Иппа, не промолчит и спросит. И он бы спросил, если бы дверь в палату не открылась, и на пороге палаты не появился заведующий отделением с обходом.

И только дверь открылась, а вслед за ней появился заведующий отделением, как Антип в опережении захода всего этого обхода, даёт своего рода прогноз. – Дайте два шага заступить за порог заведующему. После чего он основательно остановится на одном месте, озарит своим вниманием свою обездоленную без его участливого внимания и не имеющую ни единого шанса на своё спасение паству, и хлопнув в ладоши, со словами: «Ну-с, с кого начнём?!», – как всегда соберётся направиться к самому тяжёлому случаю, но увидев меня, собьётся с мысли и курса, и в первую очередь наве-

стит меня. – Сказал Антип и, как бы бросая вызов вошедшему заведующему отделением, сложил на груди руки крест-накрест.

Ну а его соседи по палате и в частности Иппа, сперва значит, ответили на заданный ранее Иппой вопрос, – Антип этим своим мудрствованием предварял приход заведующего отделением (это была периодичность действий), а его дальнейшие поступки по приходу сюда, отвечали второй части выведенного им правила (последовательность вовлечённых в действие людей), – а затем, как только Антип озвучил этот свой страшный прогноз, – всех взволновала та часть его прогноза, которая касалась самого тяжёлого случая, – то все принялись с придыханием вести наблюдение за заведующим отделением.

И теперь каждое его движение, особенно глаз, находится под перекрёстным огнём изучающих взглядов постояльцев этой палаты. Где для каждого из них, свой больной случай, конечно, самый больной и тяжёлый, и требует к себе особенного внимания, но с другой стороны, им совсем не хочется, чтобы их случай так выглядел в глазах заведующего отделением. Ведь тогда шанс на то, что твой случай будет признан лёгким и больше не требующим столь особенного к себе внимания, которого можно добиться только при стационарном твоём нахождении здесь, в этих стерильных палатах, стремится к нулю.

Ну а заведующий отделением, как будто чувствует, как

учащённо забились сердца в грудных клетках пациентов палаты, и повысилось их внутреннее давление, – а это допустимо только в одном случае, если жажда жизни начала покидать тщедушного и слишком пессимистично смотрящего на своё будущее пациента, – и хотя ему осознавать всё это по-своему приятно, – так можно и возгордиться, я мол, с одного своего взгляда повышаю температуру в теле пациента и в помещении его помещения (а это огромные перспективы для автономного обогрева клиники), – он всё же сдерживается от своих пристальных взглядов и не слишком себе позволяет разбрасываться ими (перед его глазами стоит не слишком здоровая статистика выздоровления в его отделении).

И поэтому он очень быстро, практически не задерживаясь ни на ком, пробегается по лицам пациентов палаты (как ему всё-таки приходится сложно, когда он с обходом приходит в женскую палату, где на него смотрят такими (!) глазами в ожидании от него чуда, что нужно быть поистине святым, чтобы не использовать своё служебное положение и не заглянуть в эти глаза, а затем заглядевшись, перед ними пасть в грехе беспомощности) и, зафиксировав у себя в уме, где, кто находится, чтобы не провоцировать больных, как минимум, на тромбоз нервов, а при сложных случаях и на инфаркт Обломова, заведующий отделением, в чьих руках предусмотрительно находится папка с историями болезней, опускает своё взгляд в неё и тем самым добивается для себя некой автономности от внимания к себе со сторо-

ны больных. Которым теперь только и остаётся, как следить за подвижками тела и ног заведующего отделением, которые могут им указать на направление будущего его движения.

И как многими в палате предположительно чувствовалось, а больным и болеющим за соседей сердцем, догадывалось уже на основании крепких фактов – прежних обходов, заведующий отделением сделал свой первый шаг по направлению Григория, всё время здесь неизменно тяжко болеющему и при этом с рецидивами и злостно. И как бы это не прозвучало кощунственно, но что поделать, когда ты в бреду и так сильно жить хочешь, что хватаешься за всякую соломинку и инициативы своего заблуждения, основанного на разного рода предрассудках и суевериях, где ты загадал, что если заведующий отделением на тебя сегодня не на первого взглянет, то у тебя ещё есть шанс выкарабкаться из своей болезни, в общем, часть нездорового в теле, а также в мыслях контингента палаты, была рада тому, что заведующий отделением первым делом направил свой шаг, скажем так, не к ним.

Ну а Григорию и вовсе нечего обижаться, ведь он сам ещё с вечера храбрился своим бесстрашием и даже побился об заклад с новичком, с некоторого времени вдруг решившего оспаривать своим нездоровьем пальму первенства самого тяжёлого пациента у Григория, что он и на этот раз окажется самым тяжёлым пациентом и его вялотекущая серия из побед на этом поле битвы со смертью, достигнет двухме-

сячного уровня. И, пожалуй, у Григория были все основания и предпосылки для этого. Начиная от его зашкаливающего все разумные пределы веса, который подыгрывал Григорию в этом негласном соревновании (конечно, это допинг, но разрешённый) и, заканчивая перечислением всего букета болезней, какие в себе нёс Григорий.

И если на одну чашу весов положить труды с перечислением болезней Григория, а на другую поместить ту странную болезнь новичка, с которой он сюда был доставлен – в боку болит (тьфу, да это даже не болезнь, а какой-то симптом симуляции головного мозга), – то результат очевиден. Григорий самый тяжёлый больной палаты номер тринадцать.

Правда почему-то всё это большую радость у Григория не вызывает и, судя по его страдальческому лицу, то он был бы не против того, чтобы сегодня уступить право первенства новичку, чья физиономия хоть и не меньше болезненно выглядит, но по нему прямо чувствуется, что его нисколько не печалит своё отставание от Григория и даже можно сказать, что Григорий со своей борьбой против своей крайне неуступчивой и столь тяжёлой болезни, придаёт ему сил бороться уже со своей болезнью. Хотя на всё это имелись и другие взгляды, как например, у Язвы.

– Григорий тот ещё ловкач. – Одним глазом поглядывая на заведующего отделением, а вторым на Григория, – всё за него давно и сейчас понял Язва, – все деньги поставил на себя, – на него ставка один к пяти, – вечером всех убедил,

как ему здорово чувствуется и тем самым добился того, что ставки на новичка максимально поднялись, а на него упали. А теперь, чтобы сорвать барыши, притворяется, что ему хуже всех, и значит, к нему первому должен подойти заведующий. Меня-то ты не обдуришь, я поставил на тебя.

И вот заведующий отделением сделал свой первый шаг по направлению выигрыша Язвы и буквально к Григорию, как в этот момент, как всегда в этот момент и бывает, он чувствительно наталкивает на присутствие здесь Антипа, который, конечно же, не сводит своего пронзительного взгляда с заведующего отделением – так сердечно кажется заведующему отделением. – А может на этот раз, он специально, чтобы меня обмануть, на меня не смотрит? – и в который уже, сейчас и не вспомнишь раз, всё та же мысль посещает заведующего отделением, тут же решившего проверить её. И только заведующий отделением отрывает свои глаза от папки с историями болезней, как напрямик натывается на направленный на него, уж очень красноречивый взгляд Антипа.

– Что, не удержался? – с лёгкой иронией усмехается Антип.

– Есть такое дело. – Вынужден согласиться с ним заведующий отделением.

– И всё по той же причине? – риторически спрашивает Антип.

– По ней проклятой. – Чуть ли не пожимает глазами заве-

дующий отделением.

– Ну тогда, что ходить всё вокруг да около, милости прошу ко мне. – Улыбкой кивает Антип, и заведующий отделением делает так многими ожидаемый и в тоже время неожиданный поворот в сторону койки с Антипом. Ну а по подходу заведующего отделением к Антипу, между ними начинается разыгрываться только им известная игра.

– И что вас на этот раз беспокоит? – с уж очень многозначительной (я-то на самом деле знаю, что тебя симулянт беспокоит, и слушаю вас только по одной причине – вы своим нахождением здесь скрашиваете унылую жизнь в отделении) улыбкой окинув взглядом Антипа, спрашивает его заведующий отделением. Ну а Антип в таком деле, как его собственное здоровье, всегда серьёзен, и ему не до шуточек, которые себе позволяет заведующий отделением со своим, с подколкой вопросом. И если бы не его полная зависимость от этого деспота и тирана в белом халате, – это они только с виду такие все белые и пушистые, а стоит вам оказаться с ними в процедурной один на один, то они предстанут перед вами во всей своей беспощадной красе с каким-нибудь страшно стерильным инструментом в руках, – то Антип давно бы сказал всё что он думает о не демократическом режиме, который установила здесь диктатура людей в белых халатах (чуть ли не на подобии режима чёрных полковников).

И Антип делает задумчивое лицо, чтобы слегка напрячь заведующего отделением, – пусть не думает, что все здесь

смирились со своей участью и не готовы отстаивать свою свободу перед лицом его настоятельных рекомендаций, – и начинает рассудительно говорить. – Доктор, меня мучают сомнения, и в следствии них возникшие вопросы.

– Так поделитесь с ними, будьте так любезны. – Заведующий отделением не простой противник и он, мигом с ориентировавшись, подключается в игру, которую хочет с ним сыграть Антип, по своим убеждениям и взглядам на лечение, анархист, неисправимый никакого рода лечением, включая самые радикальные.

– Доктор, меня несколько не удивляет, и я отлично понимаю, почему именно здесь на один квадратный метр пространства самая большая плотность людей верующих. У них появляется время для раздумья над смыслом своего бытия, – до этого всё как-то было некогда, – и крайняя близость с самого рождения ожидаемому итоговому событию, таким образом, мобилизует их думать. И вот в связи с этим у меня возник вопрос. Неужели близость, а это по своей физической сути есть единица измерения, то же расстояние, и определяет веру, эту духовную субстанцию? – задался вопросом Антип.

– А что вас в этом удивляет? – заведующий отделением со своей стороны озадачен непониманием Антипа таких элементарных вещей. – Духовная и материальная категории сущего, имеют одну общую основу, мысленную субстанцию. Что же касается веры, то она по своей сути есть жизненная

сила, которая офизичивает или другими словами, материализует мысль, её субстанционную составляющую, и в результате категорийно определяет человеку его жизнь и её значение для него, выступая жизненным ориентиром для человека на его жизненном пути. Ну а чем продолжительней или что ли затратнее твой путь, то тем больше сил требуется для его преодоления. И оттого-то мы, когда нам становится всё трудней и трудней преодолевать свой жизненный путь, – а всё нарастающая, до непреодолимости трудность пути, всегда почему-то указывает нам на конец пути (это такой обманный психологизм), – всё больше обращаемся за этими силами, которые и даёт нам вера. Так что озвученную тобой близость нужно понимать не так физически буквально. – С довольством на лице закончил своё объяснение заведующий отделением.

– Тогда у меня другой, прямо вытекающий из всего вами сказанного вопрос. – Сказал Антип.

– Говори. – Сказал заведующий отделением.

– А вера есть субстанция постоянная или её нужно чем-то подпитывать? Как теми же знаменьями, в случае если ты уповаешь на духовное спасение, или же курсами аутотренинга, в случае если ты полагаешься только на себя. А ведь всё это в своей основе имеет информационную составляющую. И тогда получается, что и вера в своей структурной основе имеет эту информационную единицу. – Спросил Антип.

– Вполне вероятно. – Задумчиво ответил заведующий от-

делением. И тут в Антипе в один резкий момент происходят кардинальные перемены, и от его прежней флегматичности не осталось и следа, а теперь перед всеми сидит человек импульсивный и невероятно возмущённый словами заведующего отделением, которому впору уже начать пугаться этого опасного пациента.

– Да разве так можно? – вопрошает чуть ли не небеса, потрясённый Антип. – Разве человеку вашей профессии предстало выражаться такими вероятностными категориями? Ведь в ваших устах это звучит чуть ли не как кощунство. – Антип с каждым своим вопросом вгоняет заведующего отделением в бледность и потерю уверенности своего лица. – Конечно, все мы допускаем, что такой неточной категории мысли могут иметь место в вашей голове, но ведь не вслух же их выражать. И если вы вслух допускаете возможность включения вероятностного сценария в прогноз на конечный результат вашего вмешательства в чужую жизнь, – а это позволительно делать только тем, кому мы безмерно верим, – что однозначно есть проявление вами вашей шаткой позиции, то вслед за вашей не твёрдостью начнёт шататься уже фундамент нашей веры в вас. Ведь вера точная категория мышления, она чётко очерчена своими канонами и не терпит ни малейших отступлений от своего верования. А это ваша вероятностная точка зрения и есть отступление.

– Я... это... – заведующий отделением, явно оказавшийся застанным врасплох Антипом, попытался было оправдаться,

но Антип предусмотрительно его перебил, а то бы заведующий отделением ещё больше на себя лишнего нагородил и окончательно растерял бы веру в себя со стороны ждущих его слова и внимания пациентов. А ему ведь ещё заниматься их излечением, а не только лечением (хотя Антип мог бы так сильно за него не переживать, – здесь, в палате, все в него фанатично верили и их веру даже положительными анализами не сломить).

– Не это, – срезает заведующего отделением Антип, – а то, что врач, как никто другой, должен уметь чувствовать время и его настоящую значимость для людей, где одних оно лечит, а других оно за тот же временной этап убивает. И от умения верно распределять и дозировать время лечения для своих пациентов (а всё остальное рецепты), в конечном счёте и зависит итоговый результат их лечения. И в выверке всех этих временных позиций, можно сказать, и заключается главный принцип работы врача, который всё должен делать своевременно, и ни на мгновение раньше, ни позже. А чтобы добиться этой своевременности, врач должен уметь незамедлительно принимать совсем непростые решения, от которых подчас зависит жизнь и смерть пациента. Что очень непросто сделать и оттого врач должен обладать набором определённых, поставленными перед ним профессиональными задачами навыков, и само собой соответствующим характером. Ведь иногда случается так, что времени на раздумье совершенно нет, а решать нужно прямо сейчас, и приходится по-

лагаться на интуицию, – а это и есть те самые знания веры, – которая знает, что делает и спасает. – Антип остановился, посмотрел на заведующего отделением и его окружение, стоящее с задумчивым видом, – по их виду не трудно было догадаться, что приведённый Антипом пример не выдумка, а и в их практике были такие случаи (были и крайне сложные случаи в новогодние праздники, когда только на свою интуицию и можно было положиться, как говорится, глаза страшатся открыться, а руки сами делают), – затем перевёл дух, и сделал странно для всех прозвучавшую, но не для заведующего отделением, выкладку:

– Но бывает так, что уверенность собою задвигает самоуверенность, свойственная людям, как они говорят, не один десяток, а может и сотню халатов сменивших в этих стенах, и как итог, потеря времени и несвоевременное вмешательство в ход лечения, со своим незапланированным исходом больного в никуда. Что, несмотря на благоприятные для врача выводы комиссии, вылилось в то, что от его былой уверенности не осталось следа. И теперь его при каждом случае терзают сомнения, и он не может принять окончательного решения... – Антип подошел к заведующему отделением и шепотом добавил, – полагаясь только на жребий. – Заведующий отделением, став белым как полотно, одёргивается от Антипа и начинает трясти головой, пытаясь что-то сказать, но у него ничего не получается, кроме разве что, время от времени вырывающегося слова нет.

– Ну да ладно, – перебив этот эмоциональный выступ заведующего отделением, говорит Антип, – со всеми бывает, и этот ваш отступ спишем на вашу человечность. Но всё-таки скажите мне. Если в основе веры заключена информационная составляющая, то как тогда быть с понятием веры, для которой не нужны ни факты, ни аргументы, а иначе это уже будет не вера, а какая-нибудь теорема или закономерность? – спросил Антип. И заведующий отделением после небольшой паузы, которая однозначно пошла ему на пользу, всё-таки заговорил.

– Знания, а мы как я понимаю, о них говорим, знаниям рознь. И упомянутая тобой информационная основа веры, есть всего лишь элементарная частица того строительного материала субъективности, на котором строится вся конструкция человеческого мироздания. – Со всей своей убедительностью сказал заведующий отделением, видимо уже окончательно придя в себя.

– Вот значит как. – Сказал, задумавшись Антип. И у заведующего отделением, а также у всех остальных в палате людей, создаётся ощущение, что на этом эта тема закрыта, и сейчас Антип спустится с небес на землю и начнёт жаловаться на свои нездоровые отношения со своим организмом, но видимо они ещё плохо знали Антипа. И Антип выходит из своей задумчивости, переводит свой взгляд на заведующего отделением и пристально в него вглядевшись, начинает говорить. – Тогда я просто обязан отблагодарить вас за то,

что вы мне открыли глаза на столько вещей. И я думаю, что за знания нужно расплачиваться знаниями.

Здесь заведующий отделением привстал на ноги, чтобы уйти и оставить Антипа с неоплаченным долгом, но Антип вновь предупреждает этот его уход от разговора (а ведь он так и не поинтересовался у него о его самочувствии). – Я вас на долго не задержу. Всего одно предложение. – Сказал Антип и, не давая возможности заведующему отделением отмахнуться от него рукой, проговаривает это своё предложение, прозвучавшее как какой-то заговор. – Как только все слова будут сказаны, так придёт время сделать итоговый вывод: этому браку всё.

И только Антип это сказал, как заведующий отделением, на этот раз с помертвевшим лицом, как будто подламывается в ногах и падает обратно на стул, где он до этого сидел. После чего он упирается изучающим взглядом в Антипа, пытаясь в нём что-то для себя высмотреть, и после этого замедления, шепотом тому говорит. – Да ты сам дьявол. Знаешь же, что она попала в аварию и сейчас не может полноценно говорить.

– Язык прикусила что ли. – Чуть не сдержался от искушения это спросить Антип. И с трудом сдержав накатившиеся эмоции, с серьёзным видом заговорил. – А может это бог тебя простил и даёт знаковые подсказки. Мол, ты уже достаточно настрадался и искупил свою вину отступничества от меня, так что можешь обратно вернуться в лоно церкви. Ты же знаешь, что я тебя всегда жду. – Так же тихо ответил Антип.

– Не ёрничай. – Исказился в злобе заведующий отделением.

– Тогда сам решай, кто же тебя решил укрепить в вере в себя (?). – Сказал Антип, после чего откидывается на подушку и, заложив за голову руки, закрывает глаза. Ну а заведующему отделением ничего другого не остаётся делать, как оставить Антипа, и приступить к настоящему делу, ради которого он сюда и пришёл.

И так как он пошёл в первую очередь не к Григорию и даже не к новичку, а к ближайшей койке, на которой своё место занимал Язва, то это перебило все букмекерские расклады Григория на сегодняшнюю ставку самого тяжёлого больного. Правда, он как раз не остался в накладе, на Язву, несмотря на огромное желание, никто не поставил. При этом от этого подхода заведующего отделением, судя по всему, больше всех был недоволен именно Язва, хотя ближайшую неделю именно ему носить титул самого тяжёлого больного, со всеми полагающимися к этому титулу преференциями – первоочередное обслуживание больничного персонала, сопровождение по своим делам со стороны более крепких больных, разрешение курения без любого рода ограничений, в том числе и замечаний со стороны медицинского персонала, который не будет напоминать ему о вредности курения (он самый тяжёлый больной и ему уже хуже не будет) и т. д. и т. п.

Когда же обход закончился, и дверь за последним врачом закрылась, то наступило время подведения своих итогов

этому обходу. И пациенты палаты под руководством Корнея начали корректировать свои планы на эту неделю. И, исходя из рекомендаций и заключений заведующего отделением, который сегодня был особенно придирчив и язвительно жесток по отношению к ним, эта неделя предстояла быть особенно для всех них насыщенной на процедуры, осмотры с головы до ног, МРТ и другого рода скопии. И что-то суровому на взгляд Корею подсказывает, что за всё это им стоит благодарить Антипа. И он бы немедленно поинтересовался у Антипа, на кой им всем такое счастье, если бы Антип стал дожидаться, когда он решит задаться этим вопросом, а не вышел вон из палаты.

Ну а там, в этом вон, его уже ждёт Иван, у которого не меньше чем у всех остальных вопросов к Антипу. С чем он прямо сейчас бы накинулся на Антипа, но Антип, прекрасно понимая, что сейчас волнует Ивана, сразу его срезает на полпути к этому своему вопрошанию. – Отойдём куда-нибудь, где народу поменьше. – Говорит Антип и сразу удивляется Ивану, который и не знает, где на его рабочем месте есть места потише. – Я, – говорит Иван, пожимая плечами, – и не знаю таких. Здесь везде днём людно. – И приходится Антипу брать на себя роль проводника к этим малолюдным местам. Правда, когда они вышли на задний двор клиники, а там тоже было не безлюдно, то Иван имел полное право указать Антипу на то, что и он сам не знает таких мест, и значит, он был прав. Но Иван не стал так мелочиться, тем

более у него накопилась масса к Антипу вопросов, которые ему нужно первым задать, пока Антип сам не задал ему всю ночь не дававший уснуть вопрос-монолог:

– И где же ты был, когда меня те бандитские морды ломали через колено, чтобы выудить информацию насчёт тебя? Но не дрейфь, я им тебя не выдал, хоть мне и было крайне не просто это сделать. Они же настырные сволочи, и они не только меня со всех своих рук и ног били, но и пытались меня соблазнить заманчивыми предложениями в виде сногшибательных красоток. Но я им сказал, как отрезал: Я никогда своего друга не променяю даже на самую сногшибательную красотку, которой мне, может быть, никогда в своей жизни не заполучить. И пусть я потом буду кусать свои локти (это я их ввёл в заблуждение, я ведь до локтей не дотянусь), вспоминая предложенную вами Изабеллу, – до сих пор бросает в пот и дрожь при воспоминании её, – но дружба для меня священна. Как и для Ивана, который также бы поступил со мной, встретиться ему на его пути красотка и предложи она ему в счёт себя бросить меня на растерзание негодьям. Я всё верно про тебя думаю, Иван?

И чтобы ему на это смог ответить Иван? Вот то тоже, что ничего. Так что пока он не задался этим вопросом, Иван срочно должен его отвлечь. И хотя у него ещё с вечера было заготовлено столько срочных, первостепенной важности вопросов, он задаётся совсем не той первоочередной важности вопросом. – Я так и не понял, ты что такое знаешь о за-

ведующем отделением, что он так закипел? – спросил Иван, ставший свидетелем разговора Антипа с заведующим отделения (Иван был среди участников обхода).

– Тебе это так интересно? – переспросил его Антип, видимо и сам не ожидая от Ивана такой очередности в вопросах. Ну а Ивану деваться некуда и он подтверждает.

– Да, в общем, ничего особенного. Батюшка Леонид... – Кто, кто? – Иван в удивлении перебивает Антипа. – То, что слышал. – Таким образом, уточняет Антип, и продолжает. – Так вот, батю... пусть будет Леонид, когда пришло своё время для его искусства, то он по своим внутренним причинам не устоял и, соблазнившись мирской жизнью с мирянской Елизаветой, («Откуда такие слова, – удивился Иван») до совершенства искусно вылепленной природой, ну а то, что она болтлива, то это даже не недостаток, а природная сущность хозяек своего языка, стал отступником, как он себя посчитал. Впрочем, Леонида, человека талантливого и душевно беспокойного, одна мирская жизнь не могла устроить, и он, переквалифицировавшись из ловца душ во врача, решил, значит, посвятить себя борьбе со следствиями душевных пороков человека, его болезнями тела. Что у него не плохо со временем стало получаться, и он достиг на этом поприще достойных уважения успехов. И так он продолжал, пока со временем не упёрся в свой теологический потолок, где он вдруг осознал, что хочет опять лечить души. А вот как это сделать, имея за собой такой багаж прошлого как у него, он

не представляет себе. Ведь он отступник перед самим собой, а этого он объяснить никому не сможет, кроме конечно того, кто это поймёт и всегда примет его. И этого, пожалуй, было бы достаточно, но только не для него, ведь есть ещё, как минимум Елизавета, которой и не объяснить все эти метания своей души. И всё это вместе взятое обозначает то, что он ещё не готов быть тем, кем он хочет. Ведь если сам в себе не можешь разобраться, то разве он достоин того, чтобы выступить в качестве врача-души. Вот и мучается и теряется в сомнениях человек, что и сказывается на его работе. – Антип замолчал, ожидая от Ивана вопросов, которые тут же последовали.

– И откуда такие познания? – спросил удивлённый Иван.

– Скажу, что от Елизаветы, поверишь? – спросил Антип, с прищуром посмотрев на Ивана.

– Я даже не знаю. – Иван мысленно и буквально почесал затылок.

– А я вот знаю. – Добродушно сказал Антип. – Не нужно искать во всём тайный смысл и заговоры, – они только и существуют, чтобы разнообразить и сделать более интересной нашу серую жизнь, правда не без своих настоящих исключений, – когда в большинстве случаев это всего лишь естественный ход вещей, о котором у нас всего лишь знаний не хватает. Да та же ваша вовлечённость в это дело, с этим потерявшим память пациентом. Что, по сути, вами двигало? Не побоюсь предположить, что первородный грех, любопыт-

ство. А чтобы оно смогло вас подвигнуть на лишние движения и перебороть новый бич человечества, вызванный прогрессом, малоподвижный образ жизни, или другими словами, лень, то ему-то только и нужно было сделать, как придать большей загадочности и таинственности всему произошедшему, которые как раз и служат катализатором для возникновения интереса. Тогда как на самом деле, всё до естественных причин просто, естественный отбор среди своего вида, выразившийся в борьбу за выживаемость и за место под солнцем.

– Откуда такая приземлённость мышления? – спросил Иван, не перестающий удивляться всем этим переменам и эмоциональным переходам Антипа.

– Всё естественно. Накопилось, вот и выпускаю. – Усмехнулся Антип.

– Так что они сказали? – с дальним посылом спросил Иван.

– Вначале всё больше спрашивали. – Вновь прищурившись во взгляде на Ивана, сказал Антип, немного подумал и продолжил. – Сказал, что они опоздали. Они же со своей стороны имели на этот счёт обратное мнение. В общем, не поверили ни единому моему слову. Правда, они не стали от меня требовать, чтобы я их в этом переубедил, а сделали мне заманчивое предложение. – Антип сделал паузу, необходимую для того чтобы более доступно для понимания Иваном сформулировать это поступившее предложение.

– И какое? – не удержался и спросил Иван.

– По итогу которого, они бы получили своё, а мы с тобой своё. – Туманно сказал Антип.

– А понятнее нельзя? – спросил Иван.

– Можно. – Сказал Антип. – Они хотят, чтобы мы разыскали одного типа. – Добавил Антип и, вынув из кармана фотокарточку, протянул её Ивану. Иван берёт фотокарточку, изучающе смотрит на неё, затем поднимает глаза на Антипа и спрашивает его. – Как-то это всё странно, а что им мешает самим отыскать этого типа? Мне, кажется, что им это было куда как легче сделать, и тогда зачем мы им нужны?

– Выходит, что для того чтобы ты принял это предложение, тебе нужны для этого веские причины, некая побуждательность к действиям. Так что ли? – спросил Антип.

– А разве это не естественно, как ты на этом настаивал? – вопросом на вопрос ответил Иван.

– Так ты оказывается, естествознатель. – Засмешился Антип.

– А ты нет? – отреагировал в ответ Иван.

– Пожалуй, да. – В задумчивости сказал Антип. – А знаешь, что? – спросил Антип.

– Что? – последовал ответ Ивана.

– Если всему есть причины, то и у этих типов есть своя причина так поступать. – В раздумье проговорил Антип. – И как думаешь, какая? – спросил Антип Ивана. А Иван и не догадывается даже, что он и демонстрирует, пожав пле-

чами. И тогда Антип сам отвечает. – А я ведь их об этом спросил. Зачем, говорю, мы вам нужны? И знаешь, что они мне сказали? – И, пожалуй, Антип мог бы не задавать Ивану этот вопрос, он на него ответа точно не знает. Правда, он был риторическим и Антип его задал для удобства перехода к тому, что ему ответили на его вопрос.

– Они сказали, что не скажут, потому что я не поверю. – Сказал Антип. – И? – не давая возможности Антипу перевести дух, тут же задался вопросом распалённый любопытством Иван. – А что я им должен был в ответ сказать? – в недоумении на ещё не высказанные, но явно имеющие место в голове Ивана критические заявки, заявил Антип. – Не переубеждать же их в самом деле в том, что я им, людям совершенно в моих глазах не заслуживающих доверия и с кем я лучше бы не имел никаких дел, поверю. Хотя, если вы задействуете нас, говорю я им, то нам, для того чтобы хотя бы просчитать для себя риски и опасности, нужно понимание того, для чего собственно всё это делается. «Тогда убедил», – говорят они. А после добавляют: «Мы не можем». И опять для меня ничего из этого непонятно. А им как раз даже очень понятно это моё замешательство, и видно по мне, как мне непонятно. И они спрашивают: «Что не веришь?». Ну а мне скрывать нечего. Не верю, говорю. «А вот если бы ты не спешил и дослушал до конца, то ты бы всё понял. На а раз ты столь спешно живёшь и так расточительно растрачиваешь своё время, то... ты как раз по всем парамет-

рам нам подходишь. Интересующий нас человек находится в другой, примерно в такой же что и ты формации времени, и только тебе его будет по силам убедить, представиться нам», – сказали они.

– А тогда зачем нужен я? – спросил Иван.

– Чтобы мне не верить. – Со всем своим простодушием ответил Антип, что Иван и не знал, как на это реагировать.

– Как это? – единственное, что нашёлся сказать, то есть спросить, Иван.

– Они сказали, что если ты задашь этот вопрос, а это произойдёт непременно, то сказать тебе, что ты нужен, чтобы всё подвергать сомнению. – Сказал Антип. Тут Иван, услышав в устах Антипа тот вчерашний посыл ему Веры, вздрагивает и нервно переспрашивает Антипа. – Как ты сказал? – Антип же как будто не замечает всех этих изменений в Иване и с прежним спокойствием даёт перефразированный ответ. – Сказали, что нужен независимый взгляд, и ты лучше всего для этого подходишь. Ведь ты во всём полагаешься на факты и аргументы, и тебя на бездоказательные заверения не провести и не убедить в иных категориях мыслить. – И услышь Иван этот ответ Антипа, то он бы непременно задался вопросом: «С чего они взяли всё это?», – но Иван, как только вспомнил тот посыл Веры ему в дорогу, с её предупреждениями насчёт Антипа, – во что он и тогда не поверил и сейчас не верит, – взглядываясь в фотокарточку в своих руках, углубился в свои размышления и ничего вокруг не слышал.

Где он вдруг наткнулся на потрясшее его открытие, из которого можно сделать вывод, что Иван подсознательно всё же слышал, что ему говорит Антип.

– Так вот что всему причина. Я всей своей сущностью тождественен искомому человеку, и они надеются, что это позволит его отыскать. Я так сказать, в независимости от своего желания, следуя своим путём, наведу их на него. Но тогда зачем им об этом сообщать мне, когда можно было это осуществить в тёмную, не ставя меня в известность? Или тут всё гораздо сложнее, или же проще? – Иван покосился на Антипа, что-то ему до сих пор рассказывающего. – Точно! – догадался Иван, вспомнив тот разговор между Сумрачным и его напарником в приёмном отделении. – Это будет моя проверка по определению меня человеком вне времени. И если я ... а скорее он, сумеет меня обнаружить в некоем качестве, то значит, я тот самый искомый ими человек. И что тогда? – спросил себя, вспотев от всех этих мыслей Иван. – А тогда то, как говорила Вера, они приступят к забору того, что мне передал тот тип из бара. Но что он мог мне такое передать или вложить в душу, что им так это нужно? – и вновь Иван погрузился в глубину раздумий. Из которых он выходит с новым вопросом. – А какая всё-таки роль отводится Вере. Что-то её объяснения мало убеждают. Стоп. О чём Антип говорил. – Иван начинает вспоминать сказанное Антипом и его осеняет догадка. – Так вот какое имеет значение Вера, она фигуральная точка бифуркации между двумя до-

рогами. Одна из них отождествляется с безверием, а вторая с верой... Да в того же типа из бара, потерявшего память. А при чём здесь я? ...Чтобы поверить?... – Иван поднимает глаза на Антипа и перебивает его вопросом. – И когда пойдём его искать?

Антип определённо сбит с толку этим вопросом Ивана, и он в замешательстве даже спрашивает Ивана, почему он решил, что он дал согласие.

– Так фотокарточка же здесь. – Резонно отвечает Иван.

– Не могу не согласиться с этим доводом. – Усмехается в ответ Антип, придя в себя. После чего добавляет. – Я думаю, что раньше, чем закончится твоя смена, не получится.

– Не получится. – Пожал плечами Иван, протягивая фотокарточку Антипу. Антип берёт фотокарточку, смотрит на неё и, переведя свой взгляд на Ивана, спрашивает его. – Есть какие мысли насчёт него?

– Чем-то похож на нашего без памятливого пациента. – Сказал Иван.

– Не знаю, не видел. – Сказал Антип. – А что насчёт него, не узнал, куда его поместили?

– Не до этого было.

– Понятно. А что там с Гаем? – спросил Антип.

– Надо бы заглянуть. – Уклонился от прямого ответа Иван.

– Или не будем спешить расстраивать его, тем более ему рекомендован покой и хороший сон. Что не смогут обеспе-

читать все эти беспокойства и новости от нас. А так мы через любопытство и нетерпение простимулируем его на выздоровление. – Предложил Антип.

– В этом есть что-то. – Многозначительно сказал Иван, явно склоняясь к предложенному Антипом варианту.

– Я думаю, что он не сильно расстроится, когда узнает, сколько всего лишнего пропустил мимо себя. – Сказал Антип, бросая взгляд за спину Ивана. Чем заинтересовал Ивана, собравшегося было повернуться назад и глянуть на то, что там увидел Антип, но Антип не даёт ему возможности поддаться стадным рефлексам и делает ему вопросительное предложение. – Кстати, знаешь, что тебе ещё не будет лишним? – Ну а так как Иван не знает ответа именно на этот вопрос, то Антип сам даёт на него ответ:

– Тебе для повышения своей квалификации, было бы не лишним поучаствовать в качестве слушателя в теологических беседах, которые время от времени проводят между собой Леонид и Людвиг у него в отделении. Тамошняя обстановка, так сказать, способствует движению особой мысли.

– Туда, как понимаю, особенное приглашение нужно? – спросил Иван.

– Ага. – Кивнул Антип, затем посмотрел на наручные часы и добавил. – После обеда Леонид к нему заглянет, а мы к нему чуть раньше подтянемся. Как ты, не против?

– А ты откуда знаешь? – спросил Иван.

– А что мне здесь в клинике ещё остаётся делать, как толь-

ко набираться знаниями. – Антип прямо-таки удивлён такой недалёкостью Ивана.

– Хорошо, если меня не задержат, то я зайду. – Сказал Иван, поворачиваясь в сторону клиники, чтобы пойти по своим служебным делам. И он бы пошёл, если бы Антип вдруг не спросил его. – Так ты мне про Елизавету так и не ответил. Так ты поверил в такую мою версию объяснения? – Иван видимо и забыл, кто это вообще, и поэтому ему пришлось для начала сообразить на этот счёт, а когда он что-то такое, смутно вспоминаемое, связанное с ней вспомнил, то не сразу и сообразил, что ответить.

– Не ломай голову. – Усмехнулся Антип, видя эти затруднения Ивана. – Она моя сестра. А это, я надеюсь, всё объясняет.

– Пожалуй. – В растерянности проговорил Иван, пока ещё в должной степени не оценив, что это может ему всё объяснить.

– И запомни главное, – добавил Антип, – всё сложное всегда объясняется элементарными вещами. Видишь, как всё сразу объяснилось, стоило мне только сделать это небольшое уточнение. И сразу исчезла вся таинственность и загадочность, которую я на вас всех навешал. «Кто ж это такой, кто себе такое позволяет по отношению чуть ли не царю и богу в этом отделении, заведующему отделением, и при этом не просто не соглашается с ним, а ведёт себя так, как будто он бессмертный и никого здесь не боится?», – наверняка так

ломали себе голову над загадкой моей фигуры, придавая мне мифический образ. А всё, как оказывается, до элементарного просто – я всего лишь привилегированный родственными связями пациент, оттого и позволяю себе столь много. Как тебе такой расклад? – с вызовом спросил Антип Ивана.

– Не очень. – Явно с сожалением сказал Иван.

– И мне не очень. Вот оттого природа и не всё для нас раскрывает, прикрывая все эти не очень покрывалами загадок. Но человек так уж создан, что его тяга к знаниям в него природой заложена. И он не просто желает всё знать, а ему это прямо-таки необходимо знать, ну и само собой, со всеми причинами и объяснениями всему происходящего. Хочу мол, знать, и меня не переубедишь в этом, по каким юридическим законам, – прецедентное или доказательное право есть настоящий источник права, – живёт созданное природой мироздание и законно ли это вообще. Так ведь? – спросил Антип Ивана. И Иван, в общем, – с юридическим правом пусть специалисты разбираются, – согласен.

– Значит, не на один природный разум, рефлекс, пожелаешь полагаться, а хочешь своим разумом жить? – спрашивает Антип.

– Вроде того. – Согласно кивает Иван.

– А что это, по сути значит? – спрашивает Антип.

– Что? – не понял Иван.

– А это значит, что человек от своей природы есть творец. А любой творец всегда стремится превзойти своего учителя,

в нашем случае природу, его создавшую и всему его обучившую. Вот он и хочется докопаться до сути вещей, до истоков природных знаний, чтобы на их основе попытаться сотворить для себя более лучший мир. Ну а что тебе и другим естествознателям главное нужно знать о природе, так это её основополагающее правило сущего, на котором всё держится и крепится. «Природа не терпит пустоты», – как говорил Аристотель. И если в одном месте убыло, то она обязательно предпримет всё необходимое, чтобы заместить эту убыль. И это и есть настоящая причина и следствие всего. – Антип многозначительно замолчал, глядя на Ивана в ожидании вопросов. Но тот как будто задумался, и от него вопросов сейчас не стоило дожидаться. И тогда Антип сам говорит:

– Ну и ещё одно напоследок добавлю. Я, пожалуй, оставлю на твоё разумение версию о моих родственных связях с Леонидом. И вполне вероятно, что я Елизавету только для примера привёл, чтобы объяснить тебе, как надо уметь пользоваться мозгом. А так она мне не какая не сестра. И тогда я возвращаю для себя бывший мистический статус в ваших глазах. – Антип внимательно посмотрел на Ивана, стараясь в нём что-то высмотреть. Но видимо ему из этого ничего не удалось сделать, и он с сожалением отпускает Ивана и говорит. – Пожалуй, уже прежней веры в мой мифический образ от тебя не добиться. Я этим своим откровением, даже на одно мгновение сочтённым за правду, нанёс своему мифическому образу непоправимый вред. И теперь мне,

для того чтобы вернуть себе прежний статус-кво, нужно продемонстрировать какое-нибудь знаковое умение, под знаком мифического чуда. Что ж, что-нибудь придумаю. Но только не сейчас. – Закончил Антип.

После чего уже Антип не остаётся стоять на месте, и он, ловко обойдя задумавшегося Ивана, скорым шагом преодолевает расстояние до здания клиники, где вскоре скрывается в его дверях. Куда вскоре отправляется и Иван, так ещё и не сообразивший, что на самом деле значит эта родственная связь между Антипом и Елизаветой, которую он почему-то назвал мирянкой. – В наше время уже мало кто их так называет. – Покачав головой, рассудил Иван, вступив внутрь здания клиники. После чего он, всё также погружённый в свои размышления о сути такого об именовании этой Елизаветы, с которой у Антипа, скорей всего, не простые до натянутости отношения, раз он подбирает для неё такие знаковые слова, на автомате начинает свой подъём вверх по лестнице.

И так, пока он не достигает этажа, где расположилось его отделение. Где тут же натывается на заведующего отделением, что совсем неудивительно, когда закон подлости применительно к Ивану работает в этих стенах на все 100%. И как это всегда при таких, несколько запоздалых для Ивана встречах бывает, то заведующий отделением несказанно его видеть рад, после того как его все обыскались. Ну а дальше Иван наизусть знает, что ему скажет заведующий отделением.

ем, которого он крайне уважил своим соблаговолением появиться на рабочем месте, когда ему только одному вздумается, и он бы с удовольствием пропустил эту вступительную часть разговора, ведь его ждут его пациенты, но заведующий отделением в таких случаях всегда столь предупредителен и настойчив, и он всегда готов пойти навстречу Ивану, что у Ивана нет никакой возможности от него отгородиться этими своими обязанностями.

И заведующий отделением, поймав за карман халата первое же неосмотрительно здесь появившееся лицо в белом халате: «Вот как хорошо, что ты, Резус, нам тут встретился», – для начала приближает его к себе за тот же карман халата, а затем, так сказать, перенаправляет его было спешащую мысль в буфет, в сторону бездельника Ивана, по вине которого, он сейчас не будет трепаться за кофе с одной интересной медсестрой, а будет выносить за кем-то утки, хотя это совершенно не входит в его обязанности.

– Слушай Резус, – начинает издалека заведующий отделением, – как ты считаешь, в нашей профессии какое значение имеет взаимовыручка? – задаёт вопрос заведующий отделением и так пристально смотрит на Резуса, что тому и не от молчаться, ссылаясь на вдруг заболевшие зубы. Ну а Резус сразу догадался, к чему подводит весь этот разговор Леонид (Резус так смел его фамильярничать про себя, а нечего было его третировать на обходах) – хочет, на нём оторваться. Но Резус, несмотря на то, что вмиг раскусил Леонида, не мо-

жет по-другому ответить, как только согласиться.

– Работа в коллективе всегда это подразумевает. Хотя у Макария на всё это свой особенный взгляд. – Резус всё-таки попытался перевести стрелки на своего коллегу. Что, между прочим, есть проявление взаимовыручки на практике. Ведь Резусу сейчас потребовалась помощь, вот он и обратился за ней к Макарию, упомянув его.

Но Леонид такой упёртый человек, и если он пристал к Резусу, то он от него не отцепится. – Спасибо доктор Резус за ценную информацию, с Макарием я по вашей наводке ещё поговорю, – Леонид в момент записал потемневшего в лице Резуса в ценные информаторы, после чего своим добавочным заявлением ещё больше раскалил внутреннюю обстановку в организме Резуса. – А сейчас доктор Резус, посмотрите на эту молодую поросль, можно сказать, на наше с вами и клиники будущее. – И хотя Резус бесчисленное количество раз смотрел на Ивана и даже были случаи, когда он у него занимал без отдачи денег, он ещё раз на него посмотрел. И не просто посмотрел, а с дальним посылом. – Ну, смотри Иван, если меня Леонид далеко пошлёт, то я тебя ещё дальше пошлю. И об отдаче долга можешь не вспоминать. – А вот последняя мысль Резуса, слегка сгладила его взрывное настроение.

– А теперь запомните, как следует его. – Леонид явно решил поиздеваться, раз выдвигает такие странные требования к Резусу, уже начавшему сомневаться в адекватности

Леонида. – И точно, – догадался Резус, – он заходил в инфекционное отделение, где и подхватил эту заразу неадекватности. – А осознание Резусом инфекционной опасности Леонида, вдруг смиряет его с действительностью, пока она не стала для него ещё хуже, если с Леонидом вдруг случится приступ этой подцепленной им лихорадки, и он, как это всегда делают все заражённые люди, не начнёт размножаться, а если точнее, то заражать всех людей, и при этом самым страшным способом – воздушно-капельным путём через поцелуи. – Тьфу, даже представить тошно. – Перекривился от всех этих зомби представлений Резус, что было зачётно воспринято Леонидом, увидевшим в этом искажении лица Резуса отпечаток его памятьности.

– Вижу, запомнил. – Сказал удовлетворённый Леонид. – А теперь запомни то, ради чего ты его запомнил. Наш молодой коллега, просто убеждён, что взаимовыручка это один из трёх китов, на которых основывается наш подход к лечению пациентов. А раз так, – и в это он безмерно верит, – то он всегда и в любой удобный для себя момент готов положиться на своих коллег в деле выполнения своих служебных обязанностей. Что наш новенький по своей необходимости и проделывает. А теперь вопрос к вам, доктор Резус. – В одно мгновение изменив свой тон голоса из зубоскальского на чрезмерно серьёзный, Леонид обращается к Резусу. – Так вы оправдали возложенные на вас надежды со стороны нашего новенького, и провели осмотр прикреплённых за на-

шим новеньким больных их шестой палаты?

И Резусу можно не отвечать на этот вопрос, на его лице, потрясённым таким подводом его под монастырь Леонидом, всё написано, – ну я тебе, козлина, это припомню. – Но Леониду недостаточно всё это красноречиво видеть на лице Резуса и ему нужно вслух слышать всё это.

– Так что скажите, доктор Резус. Не подвели вы нашего новичка? И не на словах, на которые вы такой у нас мастер, а на деле продемонстрировали, что такое есть взаимовыручка? – Уперевшись взглядом в Резуса, задался вопросом Леонид. И казалось, что сейчас всё, и Резус, с далеко идущими выводами посмотрев на Ивана, не даст заднюю, и ценой своей потрёпанной репутации встанет на защиту Ивана, – да, всё верно, Иван полностью положился на меня, когда отправился по своим делам, а я, что за нехороший человек, да что там нехороший человек, да просто скотина, так его подвёл, заболтавшись с одной своей новой знакомой, – но тут вдруг берёт слово Иван и своим вопросом сбивает всех со всех прежних мыслей и толку, и тем самым ставит точку на развитии ситуации в этом направлении, перенаправив её в новое, пока неизвестное русло.

– Доктор Леонид, – обращается к заведующему отделением Иван (почему именно так, то и Иван себе не объяснит), чем спотыкает на месте Леонида и вгоняет в изумление Резуса, ни разу такого обращения в адрес заведующего отделением не слышавшего (а ведь он сам не раз порывался так обра-

титься к Леониду, будучи в крайне для себя чувствительном исступлении, когда принятым внутрь напитком были ослаблены связи между его здравомыслием и инструментом озвучивания своих мыслей, языком), с которым он теперь не сводит своего взгляда с Ивана. А Иван между тем продолжает. – Не соблаговолите ли вы, милостивый государь, пойти к нам навстречу и раскрыть некоторые факты из жизни мирянки Елизаветы, приходящейся вам супругой, которые касаются её родственных связей с одним из больных из тринадцатой палаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.